

ODYSSEUS

Man in History

Mutual representations
of rituals and religious practices
of adherents of different Faiths

2015–2016



MOSCOW
DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY
2017

ОДИССЕЙ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Ритуалы
и религиозные практики иноверцев
во взаимных представлениях

2015–2016



МОСКВА
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
2017

И. И. Варьяш

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ САРАЦИН В ПРАВОВЫХ ПАМЯТНИКАХ АРАГОНСКОЙ КОРОНЫ (XIV–XV вв.)

В течение XI–XIV вв. под власть христианских государей северо-восточной части Пиренейского полуострова отошли обширные земли, несколько столетий до того пребывавшие в руках мусульман. Многочисленное сарацинское¹ население превратилось в вассалов христианских сеньоров, но, естественным для Средневековья образом, не утратило своего права и религии². Более того, мусульмане, по крайней мере на королевских землях, сохранили автономию самоуправления, имели собственных должностных лиц в общинах, судей, факихов, муэдзинов³ и писцов. Они учили детей по своим книгам, читали Коран и хадисы⁴ и соблюдали религиозные предписания.

*Хаджж*⁵, один из столпов ислама, составлял очень важную часть конфессиональной жизни мусульман. Изучение историче-

¹ *Sarraceni* — принятое в королевской документации Арагонской Короны обозначение мусульманского населения. В XIII–XV вв. здесь не имеет оценочной нагрузки, призвано определять этно-конфессиональное «меньшинство».

² История Испании. С древнейших времен до XVII века / под ред. В. А. Ведюшкина, Г. А. Поповой. М., 2012. Т. I.

³ *Факих* — знаток мусульманского права (фикх), богослов-законовед. *Муэдзин* — призывающий на молитву, служитель мечети.

⁴ *Коран* — священная книга мусульман. *Хадисы* — предания о словах и действиях Мухаммада, касающиеся религиозно-правовой жизни мусульман, сумма которых со временем складывается в сунну, составляющую одну из основ шариата. Мусульмане Арагонской Короны пользовались авторитетными сборниками хадисов.

⁵ *Хаджж* — паломничество в Мекку и ее окрестности, которое совершается в начале зуль-хиджжа, 12-го месяца лунного мусульманского календаря (т.е. по солнечному календарю время, обязательное для хаджа, всё время движется), и включает в себя определенный обязательный набор сакральных действий (например, шествия вокруг Ка'бы).

ских форм паломничества, бытовавших среди сарацин, которые жили в христианском окружении и подчинялись христианским властям, позволяет не только узнать новое об исламе, но и найти фундаментальный материал о способности мусульман к сохранению своей религиозной и культурной идентичности.

В современной исторической науке тема паломничества *мудé-харов* (мусульман, живших на землях христианских государей), как правило, возникает совсем в другом контексте: к ней обращаются в связи с проблемой дискриминации мусульманского населения, постепенного ущемления его прав со стороны христианских властей. Под таким углом зрения о паломничестве писали Дж. Босуэлл, М. Т. Феррер-и-Майол, М. Райан⁶.

Действительно, на протяжении XIV в. Корона и общество (например, через кортесы) проявляли стремление сократить привилегии мусульман, тем более что с точки зрения христианского уклада они были беспрецедентно широкими⁷. Достаточно сказать, что сама возможность хаджа обеспечивалась правом сарацин свободно передвигаться по королевству и выезжать за его пределы, что получило отражение в самых первых капитуляциях, а затем не раз воспроизводилось в королевских привилегиях.

Со временем, однако, центральная власть и владетельные сеньоры всё более проявляли заинтересованность в ограничении права сарацин свободно покидать страну, усматривая в нём прямую угрозу своим доходам. Со второй трети XIV в. появлялись королевские распоряжения, запрещавшие выезд сарацин из королевства временно (сроком на два года, на пять, на десять лет, на период войны) или без указания срока действия нормы, или навсегда. Особенно жесткой позиция королевской власти стала в начале XV в., когда эмиграция мавров была запрещена кортесами и фуэро безо-

⁶ *Boswell J.* The Royal Treasure. Muslim Communities under the Crown of Aragon in the Fourteenth Century. New Haven, Iale, 1977. *Ferrer i Mallol M. T.* Els sarraïns de la Corona catalano-aragonesa en el segle XIV. Segregació i discriminació. Barcelona, 1987. *Ryan M. A.* Power and Pilgrimage: the Restriction of Mudéjares Pilgrimage in the Kingdom of Valencia // *Essays in Medieval Studies*. 2008. V. 25. P. 115–128. (эл. изд.). См. также: *Catlos B. A* The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims of the Ebro Valley, ss. XI–XIII. Cambridge University Press, 2004. *Варьяш И. И.* Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М., 2001. *Сюкияйнен Л. П.* Мусульманское право. Вопросы теории и практика. М., 1986.

⁷ *Ferrer i Mallol M. T.* Op. cit.

говорочно⁸. Противозаконный выезд из королевства наказывался обращением в рабство и конфискацией имущества⁹.

Многие из ограничительных законов были составлены под давлением второго сословия¹⁰, не желавшего терять работников; часто Корона преследовала свои интересы, особенно в тяжелые времена войны с Кастилией и запустения *альхам*¹¹: в этих случаях налоговые иммунитеты даровались одновременно с запрещением покидать место в течение определенного срока¹². Иногда такие запреты объяснялись возможной нелояльностью эмигрантов, пересекающих территории соседних государств¹³.

Как только выезд начал ограничиваться, под ударом оказались и хаджж, и внешняя торговая деятельность мусульман, что в их среде вызвало недовольство и в конечном итоге привело к активной скрытой эмиграции.

Однако на протяжении всего XIV в. сарацины периодически вновь обретали свободу передвижения: в тех случаях, когда истекали запретительные сроки или если ограничения касались только сеньориальных мавров, наконец, по королевской милости. Грамот, разрешавших сарацинам выезд, ничуть не меньше запрещавших. Таким образом, в этом вопросе Корона не имела постоянной и неизменной линии поведения: она, во-первых, старалась соблюсти свои интересы, как экономические, так и политические, вследствие чего то разрешала выезд с уплатой налогов за лицензию и имущество, то запрещала его; во-вторых, поддавалась давлению со стороны сеньоров и в результате была вынуждена постоянно лавировать.

Конечно, принимавшиеся Коронай ограничительные законы ущемляли исконные права сарацин. Однако внимание к паломническим практикам под политическим углом зрения вряд ли позволяет извлечь из источников всё, что в них содержится.

⁸ *Ibid.* Doc. 151, 153, 157. *Кортесы* — представительные органы на Пиренейском полуострове. Фуэрос — правовые акты, санкционировавшие королевской властью и фиксировавшие нормы местного права.

⁹ *Ibid.* Doc. 141, 142, 144, 146, 149; *Mutgé i Vives J. L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. Aproximació a la seva història.* Barcelona, 1992. Apèndice documental. Doc. 104–105.

¹⁰ *Ibid.* Doc. 54, 154, 134, 97, 139.

¹¹ *Альхама* — в данном случае мусульманская община.

¹² *Ibid.* Doc. 76; *Ferrer i Mallol M. T. Les aljames sarraïnes de la governació d'Oriola en el segle XIV.* Barcelona, CSIC, 1988. Apèndice documental. Doc. 92, 109.

¹³ *Ibid.* Doc. 77, 83, 88.

На научной конференции, организованной С. И. Лучицкой¹⁴ и Центром культурной и исторической антропологии ИВИ РАН в сентябре 2015 г., было предложено вынести на обсуждение результаты изучения религиозных практик одной культуры сквозь призму представлений другой культуры. Такой подход, в нашем случае применительно к теме паломничества мусульман, оставшихся жить под властью христианских государей, не только открывает новые возможности трактовки уже классического сюжета, но и является в высшей степени актуальным для истории арагонских сарацин, поскольку основными источниками, отражающими повседневную жизнь мудехаров¹⁵, бытовавшие в их общинах порядки, религиозные обычаи и т. д., являются тексты, которые создавались христианами¹⁶.

В настоящей работе предлагается новый взгляд на, в целом, неплохо известные источники, в которых отразилась информация о формах паломничества сарацин Арагонской Короны: королевские грамоты и документы байлии XIV — начала XV в., «Книгу сунны и шариата мавров» XV в. (судебник мусульманского права, составленный по распоряжению светского сеньора) и материалы одного инквизиционного процесса XVI в. Впрочем, следует заметить, что все эти источники пока ни разу не собирались вместе в одном исследовании, что связано и с постепенным приращением знаний по данному сюжету, и с иным кругом научных задач, ставившихся нашими предшественниками.

Благодаря сохранившимся историческим свидетельствам, мы можем поставить вопросы о том, насколько аутентичной и устойчивой оказалась исламская традиция паломничества на Пиренейском полуострове, как к ней относились христиане, в каких терми-

¹⁴ Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. Она же. Средневековые изображения и вопросы историка // Антропология культуры. 2015. Вып. 5. С. 247–264.

¹⁵ *Мудéхар* — от араб. *мудажжан* — тот, кто платит налоги. Термин утвердился в историографии благодаря источникам кастильского происхождения и обозначает мусульман, подданных христианских королей на Пиренейском полуострове. Применительно к истории Арагонской Короны наравне с ним часто используется и термин *сарацины*.

¹⁶ Варьяш И. И. Источники права: мусульманская традиция и мудехарское право // Право в средневековом мире. М., 1996. С. 126–152. Об исследовательском опыте применительно к османской истории см.: Кириллина С. А. «Очарованные странники»: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.

нах передавали понятие хаджжа, как описывали обычаи и ритуалы другой веры — но не в нарративных полемических текстах, а в официальных документах, где, если и возникает религиозная риторика, то в точно отмеренных дозах и выверенных выражениях.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе христианских источников, — это использование исключительно романской терминологии для обозначения различных форм паломничества мусульман. Ни в королевских грамотах, ни в «Книге сунны и шариата» нет ни одного упоминания о хаджже, тем более об умре (малое паломничество в Мекку, но не в месяц, предназначенный для хаджжа, а в любое другое время) или зиярате (паломничество к святым местам — могилам пророков, святых и т. д.). Всё многообразие мусульманской религиозной практики в этой сфере передается термином *romeria* и разными его вариантами на местных романских наречиях (романсе, старо-каталанском языке, старова-ленсийском диалекте).

В главах «Книги», специально посвященных пяти столпам ислама, мы легко находим упоминания о *çala* (обязательной пятикратной молитве), *закяте* (милостыне), *рамадане* и Коране, но вместо хаджжа читаем о ромерии: «должны совершать паломничество (*la romeria*) в Мекку», «каждый сарацин, если пожелает, за свою жизнь может совершить паломничество (*romeria*) в Мекку»¹⁷.

Такой же подход встречаем и в королевских грамотах, разрешавших мусульманам выезд из страны: «Сарацин или сарацинка... может свободно и безопасно идти в земли сарацин ради... паломничества (*romerie*)»¹⁸.

Тот факт, что термин *хаджж* не встречается в арагонских правовых памятниках, а понятие паломничества передается близким и понятным христианам романским словом, имеет в контексте настоящего исследования важное значение. По всей вероятности, латинская и католическая этимология понятия *ромерия* (изначально — паломничество в Рим) здесь утратило свою актуальность, и

¹⁷ Un tratado catalán medieval de derecho islámico: Llibre de la Çunna e Xara dels moros / ed. C. Barceló. Córdoba, 1989. Cap. 250, 289: «han de fer la romeria dever Меса», «ha a de fer romeria devers Меса». Cap. 76: «tot sarrahí, si.s volrà, en sa vida pot fer romeria envers Меса». (На русском языке см.: Книга Суны и Шары мавров / перевод, вступ. ст., комм. И. И. Варьяш. М., 1995.)

¹⁸ Ferrer i Mallol M. T. Els sarraïns de la Corona... Apèndice documental. Doc. 60: «Sarracenus vel sarracena ad terram sarracenorū causa mercandi aut romerie, tempore pacis, pergere voluerit, possit ire salve pariter et secure...»

термин приобрел столь общее значение, что мог быть приложен к практике иноверцев. Кроме того, его употребление свидетельствует об отождествлении (или очень близком понимании) паломничества в его мусульманском варианте с известной христианам собственной религиозной практикой.

Право мусульман на паломничество было закреплено еще в самых ранних дошедших до нас капитуляциях. Например, в тексте капитуляции Туделы (1119) было прописано, что всякий, пожелавший уйти из города в земли мавров или другие земли, свободен и может идти безопасно с женами, детьми и всем своим имуществом по суше, воде в любое время дня и ночи, когда пожелает¹⁹. В тексте капитуляции Тортосы (1148) тоже указывалось, что сарацин этого города может свободно уходить, ни с кем не посоветовавшись, т. е. не испрашивая разрешения или согласия властей²⁰.

Затем, по мере необходимости, короли на протяжении XIII–XIV вв. подтверждали такое право в привилегиях, жаловавшихся мусульманским альхамам (общинам), но одновременно вводили условия, при которых оно могло быть реализовано. Письмо короля Альфонсо Милостивого 1333 г. еще подтверждало силу обычая льеидских сарацин отправляться в мусульманские страны без королевской лицензии, хотя местные официалы уже понимали это дело по-своему — и предпочитали за подобные вольности налагать штрафы²¹. В грамоте от 1347 г., дарованной сарацинам королевства Валенсия Пере Церемонным, значилось, что они могут свободно и безопасно отправляться в сарацинские земли ради торговли или паломничества (*romerie*) в мирное время²². Здесь же специально было зафиксировано, что мусульмане могут выезжать за пределы

¹⁹ «Et [qui voluerit exire vel ire de Tudela ad terram de moros vel ad] aliam terram, quod sit solito et vadat securamente cum mulieribus et cum filiis et cum toto suo aver [per aquam, per terram qua hora voluerit, die ac nocte]». (*Lema Pueyo J. A. Colección diplomática de Alfonso I de Aragón y Pamplona (1104–1134). San Sebastián, 1990. P. 141–144.*)

²⁰ Капитуляция Тортосы: «et vadat de salvetate, si voluerit, sine consilio de nullo homine...» (*Hinojosa Montalvo J. R. Los mudéjares. La voz del Islam en la España cristiana. Vol. II. Documentos. Teruel, 2002. Doc. 3.*)

²¹ *Mutgé i Vives J. Op. cit. Doc. 105:* «Nunc, autem, supplicatum fuit nobis pro parte aliam sarracenorum dicte civitatis (Ilerde) quod, cum licitum sit, iuxta antiquam consuetudinem, cuilibet sarraceno dicte civitatis ad quascumque partes sarracenorum se transmeare sine confiscacionem quamcumque...».

²² *Ferrer i Mallol M. T. Els sarraïns de la Corona... Doc. 60:* «Sarracenus vel sarracena ad terram sarracenorum causa mercandi aut romerie, tempore pacis, pergere voluerit, possit ire salve pariter et secure...»

Арагонской Короны, если не везут с собой запрещенные товары и платят пошлину за то имущество, которое вывозят²³.

В XIV в. оформилась и устойчиво существовала практика выдачи лицензий тем, кто собирался покинуть королевство, — в том числе и паломникам. Такую лицензию в 1375 г. в курии Пере Церемонного получили льейдские мусульмане. Ее содержание вполне типично для этого времени. Грамота была адресована всем официалам, патронам, капитанам и командам морских кораблей, а также подданным короля. В ней указывалось: «*Мы... настоящим жалует, дабы Асет Абенферре и Лакоте, его жена, Азмет Абенферре и Фатима, дочь названного Асета, и Юса Алькоди и Азиза, его жена, Мофферис Альгуашки, сарацины и сарацинки города Льейда, свободно и без какого-либо препятствия для посещения дома Мекки отправились в заморские страны, а потом из тех стран, когда пожелают, вернулись*». Мусульманам, кроме того, было разрешено свободно вывозить и ввозить оружие и движимое имущество: необходимые в далеком путешествии вещи, обеспечивавшие паломникам защиту и пропитание. Лицензия обошлась сарацинам в семьдесят солидов, т. е. по десять солидов с человека, что было обычной в это время таксой²⁴.

Расходы на поездку, таким образом, были весьма серьезными: нужны были средства и на лицензию, и на пошлины, и на содержание домочадцев и слуг в течение полутора-двух лет. Паломничество, как правило, сопровождалось торговой деятельностью, обеспечивавшей существование в пути. Впрочем, книги счетов и сборов главного байла Каталонии, где регистрировались выплаты выезжавших сарацин, свидетельствуют о том, что паломничество

²³ *Ibid.*: «*dummodo res vel merces a dicto regi extrahi prohibitas secum non portet vel extrahat et pro re[bus] extra[xis] permissis ius regium exolveret...*»

²⁴ *Ibid.* Doc. 104: «*Petrus et cetera, universis et singulis officialibus, patronis et aliis ductoribus et servitoribus navium et aliorum vasorum marinorum et subditis nostris, ad quos presentes pervenerint, salutem et dileccionem. Nos... tenore presentis concessimus Acet Abenferre et Lacote, eius uxori, Azmet Abenferre et Ffatime, filie dicti Acet, et Juce Alcodi et Azize, eius uxor, Mofferiq Alguaxqui, sarracenis et sarracenus civitatis llerde, quod libere et absque impedimento quocumque apud partes ultramarinas pro visitando domum de Mecha accedere et postea ad has partes, quando voluerint, redire. Quocirca vobis et singulis vestrum dicimus et mandamus expresse quatenus eosdem sarracenos et sarracenas cum armis et bonis mobilibus, que secum tulerint, abire et redire libere permittatis... LXX solidos.*»

См. также: Варьяш И. И. Сарацины и сарацинки бьют челом сеньору королю // Адам и Ева. СПб., 2003. С. 115–130.

не было редким и экстраординарным явлением среди мусульман Короны. Ехали в Мекку, Медину, Бейрут, Святую Землю, Александрию...

В разрешения на выезд христианский официал вписывал обычную формулу: «iuxta sunam et legem tuam» (по твоей сунне и закону) — тем самым и на практике подтверждая признание властями за мусульманами легитимности их паломнического долга.

Кроме *хаджжа*, как и во всём исламском мире, на Пиренейском полуострове, осуществлялись паломничества к малым святыням, имевшим локальное значение²⁵. Культ святых мужей и жен, почитание святых мест, на первый взгляд, противоречит чистому монотеизму ислама. Однако известно, что складывается он довольно рано и к классическому Средневековью обладает многовековой историей: постепенно оформляется агиологическая традиция и возникает общепринятый перечень сакральных центров. Из сочинения творившего на рубеже XII–XIII вв. (ум. в 1215 г.) арабского автора Али ибн Бакра Аби аль-Харави «Kitab al-isharat ila mari'fat az-ziyarat» (Книга-путеводитель по святым местам)²⁶ известно об обычаях благочестивого посещения мусульманами Большой мечети в Кордове и неких святых пещер близ Толедо. О паломнических практиках, принятых на землях Арагонской Короны, аль-Харави не писал, явно ничего не зная о них, что понятно, поскольку и про Кордову с Толедо он рассказывал с чужих слов.

О зиярате арагонских сарацин мы знаем опять же исключительно благодаря источникам христианского происхождения — королевским грамотам. Именно в них обнаруживается информация о святом месте Атзенета, расположенном в королевстве Валенсия. Первое упоминание об Атзенете приходится на 1336 г., когда по

²⁵ Meri J.W. The Cult of Saints Among Muslims and Jews in Medieval Syria. Oxford; NewYork, 2002. Kister M.J. Sanctity Joint and Divided: On Holy Places in the Islamic Tradition // Jerusalem Studies in Arabic and Islam. 20 (1996). P. 18–65. Marín M., Fierro M. Sabios y santos musulmanes de Algeciras. Algeciras, 2004. Гольдциер И. Культ святых в исламе. Мухаммеданские эскизы. М., 1938. Разумеется, паломнические практики хорошо известны для доисламских культур Аравийского полуострова, так же как и культ предков, превращавший могилы в места благочестивых посещений. См.: The Arabs and Arabia on the Eve of Islam / ed. F.E. Peters. Ashgate-Variorum, 1999. Hallac W.B. The Origins and Evolution of Islamic Law. Cambridge University Press, 2005.

²⁶ Существует перевод этого памятника на французский язык: 'Alī ibn abī Bakr al-Harawī. Guide des liuex de pèlerinage / Trans. J. Sourdrel-Thomine. Damascus, 1957.

распоряжению Пере Церемонного был установлен побор в 5 денариев сроком на 10 лет со всех *«иноземных и частных сарацин и сарацинок, которые приходят молиться в мечеть»*, где *«покоится один мавр, как утверждают, их пророк»*²⁷. Полученные деньги следовало делить следующим образом: два сборщика получали 1 денарий, и 4 денария шло на укрепление стен и прочей фортификации Гуадалеста, к округе которого принадлежала Атзенета.

Спустя полтора года, в 1338 г., из королевской канцелярии в Атзенету была отправлена другая грамота, составленная в ответ на петицию мусульманских общин королевства Валенсия. Из этого документа становится понятно, что побор в 5 денариев на практике превратился в побор в 6 денариев, хотя собирал его один человек, а не двое. Сарацины просили короля отменить побор вовсе, ссылаясь на то, что его установление противоречит обычаю, и их просьба была удовлетворена. Кроме того, в прошении они, по всей вероятности, более или менее подробно изложили свое видение данной благочестивой традиции, которое затем было зафиксировано в итоговом акте.

Куриальный писец вслед за мусульманами сообщает, что мечеть в местечке Атзенета существует еще с тех времен, когда королевство Валенсия было сарацинским, и что там *«был погребен некий сарацин, который и теперь сарацинами по их верованию почитается святым»*, и сарацины королевства Валенсия и из других земель ходят туда творить молитву²⁸.

О том, насколько устойчивым и широко распространенным был данный культ, можно судить по грамоте от февраля 1379 г., из которой следует, что паломническая практика в Атзенету на протяжении XIV в. не только не угасла, но даже вышла за пределы полуострова.

²⁷ Ferrer i Mallol M. T. Els sarraïns de la Corona... Doc. 36: «quilibet sarracenus et sarracena extraneus et privatus, qui et que ad mezquitam dicti loci, in qua, ut dicitur, iacet quidam sarracenus, quem asserunt eorum profetam, venerit pro orando vel alias, exsolvat et exsolvere teneatur vice qualibet quinque denarios regalium Valencie».

²⁸ Ibid. Doc 42: «Ex parte aliamarum sarracenorum regni Valencie fuit nobis expositum conquerendo quod, licet in termino loci de Godalest, tempore quo regnum Valencie erat sarracenorum, in loco nostro vocato Zaneta sit quedam mezquita, in qua fuit sepultus quidam sarracenus, qui tunc temporis per sarracenos iuxta credenciam eorum vocabatur et reputabatur sanctus et nunc etiam reputatur, cuius devocione sarracenicam nonnulli sarraceni preteriti temporis et presentis, tam de dicto regno Valencie quam de aliis partibus, veniebant et nunc veniunt ad mezquitam predictam causa inibi faciendi oracionem, prout hactenus est fieri usitatum...».

В королевском акте было указано, что «каждый год устраивается большое собрание (*congregació*) мавров из-за одного мавра, который похоронен в Атзенете и, как они говорят, святой». Король Пере особо высказывал беспокойство в связи с тем, что паломники шли не только из Арагона и Валенсии, но и из Гранады и Берберии, с оружием, разными путями и в таком множестве, что могло воспоследовать большое возмущение²⁹.

Следует подчеркнуть, что власть вовсе не видела необходимости в том, чтобы пресекать подобную практику. Ее единственной заботой, отразившейся в королевском распоряжении, на этот раз написанном не на латыни, а на старо-каталанском, и направленном должностным лицам на местах, являлось «обеспечить безопасность, дабы избежать урона короне и королевству»³⁰.

М. Т. Феррер-и-Майол, внимательно изучавшая паломничество к атзенетскому святому, склонна считать, что им мог быть известный по сочинениям арабоязычных авторов (Ибн аз-Зубайр, Ибн аль-Хатиб) Галиб бен Хассан бен Ахмад бен Сид Буна, *кади*³¹ этого местечка, происходивший из семьи Сид Буна клана Абу Тамман, известный своим благочестием и аскетизмом. Он умер вскоре после завоевания Валенсии Жауме I в 1238 г.

Надо заметить, что для ислама всегда было характерно признание святости за человеком еще при жизни, чему обычно способствовали практикуемая им аскеза, совершение добрых дел и чудес и т. п. «Канонизация» не требовала ничего, кроме народной веры в избрничество Аллахом того или иного мужа или жены. Ученые занятия, отправление судейских обязанностей в общине, предполагавшие глубокое знание божественного Закона, мудрости и смирения, наделяли кади в глазах людей особым авторитетом. К нему шли за советом, помощью, справедливостью.

После кончины праведника народ продолжал приходить к месту погребения, воспринимая его не просто как памятное, но наделенное сверхъестественными свойствами. Культ погребений в исламе в принципе очень развит с эпохи становления новой религии.

²⁹ Ibid. Doc. 106: «...en lo loch de Atzeneta... se fa cascun any gran congregació de moros per I moro qui u jau, lo qual dien ells que és sanct, e aquí venen ab armas e en diverses maneres e en tanta multitud que poria ésser perill e se'n poria seguir gran escàndel, car en aquest ajust venen moros de Granada e de Barberia...»

³⁰ Ibid.: «que a nós ne a nostre regne per ocasió d'açò no's seguís algun mal o dampnatge».

³¹ *Кади* — мусульманский судья.

Довольно быстро здесь сложились свои правила поведения: совершение паломничества к могиле святого, сотворение там молитвы, подношение даров, высказывание просьб. Тот факт, что *кади* из Атзенеты был признан святым еще при мусульманской власти, придавало его культу дополнительную привлекательность, ибо он опирался на авторитет «чистой» традиции.

Широкое распространение культа святого из Атзенеты не в последнюю очередь могло быть сопряжено как с эмиграцией семьи *кади* в Эльче, потом в Гранаду (после завоевания этих земель христианами), так и с ее давними клановыми связями³². История ислама знает немало примеров возникновения локальных культов, которые постепенно приобретали для местного населения такое значение, что при некоторых условиях даже могли приравниваться к *умре* и *хаджжу*: по крайней мере, в тех случаях, когда «совершение хаджжа затруднялось существенными препятствиями»³³. Для мусульман Арагонской Короны Атзенета вполне могла стать важнейшим паломническим центром, заменив многим дорогостоящее и длительное путешествие в Мекку.

Королевские должностные лица на местах использовали государево письмо 1379 г. в своих интересах и по своему разумению, взявшись чинить мусульманам препятствия. Мы узнаём об этом из лицензии, выданной инфантом Мартином, будущим королем, своим вассалам-маврам в апреле того же 1379 г. Бумага инфанта защищала сарацин и их жен из Согорба и Эслиды во время их паломничества (*romiatge*) в Атзенету, чтобы они могли отправиться туда с имуществом (которое бы не облагалось пошлинами) и вернуться. Особо отмечалось, что мавры имеют обыкновение ходить в Атзенету молиться каждый год. Королевским должностным лицам запрещалось препятствовать паломникам под угрозой штрафа в 200 мараведи³⁴.

Этот документ важен не только потому, что прямо фиксирует разницу в отношении короны и ее должностных лиц к благочести-

³² Ferrer i Mallol M. T. Els sarraïns de la Corona... P. 95–96.

³³ Гольдциер И. Культ святых... С. 51–52.

³⁴ Ferrer i Mallol M. T. Els sarraïns de la Corona... Doc. 107: «Com los moros nostres de Sogorb e de Eslida, portadors de la present, ab ses mullers, qui són de vint en vint e cinch casades, haguessen acostumat cascun any de anar a Atzeneta per vetlar e ara, segons havem entès, hajats vedat que no'y vagen, per tal a vós e cascun de vós dehim e manam en pena de doents morabitins d'or per als cofres del dit senyor rey aplicadors que'ls dits moros lexets anar ab ses mullers a Atzeneta en lur romiatge e sobre açò contrast o embarch algú no metats...»

вым путешествиям иноверцев (это явление закономерно и связано с экономическими интересами официалов), но и потому, что в нём отразилась существенная для нашего исследования подробность: многие мусульманские семьи совершали зиярат регулярно, раз в год, по-видимому, весной, хотя последнее не было обязательно.

Резкое изменение отношения центральной власти к мусульманским паломничествам в Атзенету произошло в начале XV столетия и связано с именем Мартина I. Если в 1379 г., еще не став королем, он позаботился о выдаче своим вассалам лицензии на паломничество, то спустя 25 лет (пять из которых он носил королевский венец) он издал распоряжение, имевшее целью пресечь практику проявления благочестия сарацинами королевства.

В грамоте 1400 г. без определенных ссылок указывалось, что *«против установленного предшественниками королями Арагона»* сарацины и сарацинки королевства Валенсия ходят в мечеть Атзенеты и приносят подношения и вотивные дары. Через казначея король распорядился провести судебное расследование в отношении паломников и покарать виновных, *«дабы это было им наказанием, а другим, желающим предпринять подобное, послужило примером»*³⁵.

Ничего неизвестно о том, как королевское повеление было воплощено в жизнь. С уверенностью можно сказать лишь то, что паломническая практика не была искоренена, хотя, скорее всего, стала полулегальной. Спустя три года Атзенета еще принимала движимых религиозным чувством мусульман. В королевской грамоте 1403 г. значится, что существует *«мавританская мечеть, называемая Атзенета, в которую мавры ходят в большом числе, чтобы поклоняться телу или костям одного мавра, который похоронен в мечети»*. В соответствии с принятой в канцелярии Мартина I религиозной риторикой, в акте далее указывалось, что *«поскольку это к насмешке над святой католической верой, и король не должен терпеть в своих владениях подобных наносящих урон действий»*, он приказывает *«мечеть разрушить, кости или тело*

³⁵ Ibid. Doc. 145: «...contra inhibiciones et ordinationes per serenissimos dominos predecessores nostros Aragonum reges, memorie gloriose, factas proculdubio veniendo et penas ex inde impositas incurrere non verendo, ad mezquitam de Atzaneta venerunt et in eadem oblaciones et encennia obtulerunt... de predictis informaciones plenaries recipiatis et etiam habeatis et quos culpabiles repereritis in eisdem sic mediante iusticia puniatis quod ipsis ad penam cedat et ceteris similia attentare volentibus transeat in exemplum».

мавра сжечь до золы и бросить в море или развеять так, чтобы нельзя было ничего найти, и не было самой памяти...»³⁶.

Распоряжения Мартина I относительно мусульманских паломнических практик в целом укладываются в его политику, ориентированную на проведение в жизнь установлений Венского Собора 1311 г. и — вполне в духе последнего — на пресечение публичных форм выражения религиозности иноверцами, по мнению церкви, опасного для христиан. Был ли исполнен во всех частях приказ короля, историкам остается гадать — доподлинно известно только, что в середине XVI в. в Атзенете сохранились развалины старой мечети.

Сведения о них отразились в инквизиционных материалах³⁷. В 1540 г. Трибуналом было начато дело против одного из самых знатных и известных нобилей — адмирала Арагонской Короны дон Санчо де Кардоны, ставшего сеньором Гуадалеста. Процесс был долгим и завершился в 1570 г. вынесением смертного приговора, который затем был заменен на пребывание в монастыре, а еще позже, в связи с плохим здоровьем 73-летнего гранда, — в его валенсийском доме, без права покидать город. Инквизиция обвиняла адмирала прежде всего в том, что он покровительствовал *морискам*, выкрестам из сарацин, в их скрытой приверженности исламу и мусульманским обычаям³⁸.

Из свидетельских показаний против адмирала и из пунктов обвинения известно, что дон Санчо де Кармона имел самое прямое отношение к святыне мусульман в Атзенете. Прибыв в Атзенету,

³⁶ Из текста грамоты: «Entes havem certament que en lo terme de Confrides es una mesquita de moros apellada Atzaneta, en la qual venen moros en gran nombre e diu se que venen per devocio que damnadament han en .I. cors o ossa d'un moro qui jau en la dita mesquita. On com aço torn en derrisio e scarn de la santa fe catholica e nos no dejam sofferir en nostra senyoria semblants damnats actes, pregam vos affectuosament requerim e manam que façats enderrocar la dita mesquita e cremar e pulverizar la dita ossa o cors del dit moro e llençar aquella en mar o ventar per manera que alguna cosa no se'n pusca trobar ne esser ne memoria d'aqueianant». (*Girona i Llagostera D. Itinerari del rey en Martí* (1396–1410). Barcelona, 1916. P. 112.)

³⁷ *Boronat y Barrachina P.* Los moriscos españoles y su expulsión. Estudio histórico-crítico. V. 1. Valencia, 1901. P. 443–449. Этот материал подробно излагает М. Т. Феррер-и-Майол: *Ferrer i Mallol M. T.* Els sarraïns de la Corona... P. 98–99.

³⁸ На этих землях сарацины действительно по большей части были обращены в христианство насильственным путем и были склонны к крипто-мусульманству.

«он увидел разрушенное здание, которое во времена мавров было мечетью, и здесь в определенное время года мавры имели обыкновение во множестве собираться и совершать бдения и ритуалы своей секты», а также «ложно утверждали, что здесь была могила святого мавра». Адмирал спросил, что здесь было, и сопровождавшие его вассалы-мориски ответили, что это была мечеть.

Постоянно нуждавшийся в средствах, дон Санчо де Кардона отличался широкими взглядами и дал разрешение отстроить мечеть заново. Обладая лицензией своего сеньора на благочестивое посещение Атзенеты, за что следовало платить ежегодно 10 ливров, мориски долины Гуадалеста собрали средства, и здание было восстановлено, покрыто крышей, были устроены порталы, где люди могли прятаться от дождя, и места для омовения и совершения молитвы (*çala*).

В пунктах обвинения Трибунала значилось, что в определенное время года сюда собиралось много морисков из Атзенеты, Гуадалеста, Гранады, Арагона и Каталонии и других частей королевства, мужчин и женщин — больше 600 человек — чтобы «творить ритуалы мавров», и «шли туда босыми, как если бы совершали паломничество (*romería*)», а «вели себя так, будто бы дело было в Фесе»³⁹. Один из свидетелей показывал, что в Атзенету приходило

³⁹ Из обвинительных материалов: «Item, que mucho a que el dicho don Sancho de Cardona, hallándose en la Vall de Guadalest que es suya, de nuevos convertidos de moros, yendo discurriendo por los lugares de la dicha Vall, llegando al lugar de Adzaneta, que es una de ellos, vio un edificio derrivado que en tiempo de moros había sido mezquita y a do en cierto tiempo del año solían venir y juntarse muchos moros a hacer vigalias y ceremonias de su secta, y preguntó que qué era aquello, y respondiendo los moriscos que le acompañaban que era mezquita, el dicho don Sancho les dijo que porqué la tenían tan mal aderezada, y respondiendo los dichos convertidos que no la osaban labrar por ser mezquita, el dicho don Sancho les dixo que la labrasen, que él les daba licencia para ello.

Item, que en tiempo que no era bautizados los dichos moriscos d'este reyno también se juntaban a hacer las dichas ceremonias en la dicha mezquita, pretendiendo y falsamente afirmando que había allí una sepultura de un moro santo...

Item que con la dicha licencia los moriscos del dicho lugar de Adzneteta con mucha presteza, ayudados de los de la Vall, edificaron la dicha mezquita y le hicieron unos portales principales para hacer la çala y el aguado y allí se lavaban.

Item que, echo el dicho edificio de mezquita, en ciertos tiempos del año muy pública y scandalosamente y como si fuera en Fez acudían allí muchos moriscos del dicho lugar y de la Vall de Guadalest, de Granada, Aragón y Cataluña y de otras partes de este reyno, hombres y mujeres, a hacer sus ceremonias de moros y muchas veces se juntaban a ello más de seiscientas personas, muchas de las cuales iban allí descalzas, como si fuessen en romería». (Цит. по: Ferrer i Mallol M. T. Els sarraïns de la Corona... P. 99.)

огромное количество самых разных людей не только из королевства Валенсия, но и из Арагона, Кастилии, Гранады и других мест, «женщины приходили босиком, а был сентябрь и май», и «совершали здесь ритуалы мавров (*serimonias de moros*)»⁴⁰.

Последнее, что известно о мечети в Атзенете, — это то, что по приказу Филиппа II она была вновь разрушена⁴¹. Об останках святого, которым поклонялись мусульмане и которые должны были быть необратимым образом уничтожены, строго говоря, информации в инквизиционных материалах нет. Однако точно можно сказать, что о преемнике помнили вплоть до середины XVI в.

* * *

На протяжении трех столетий паломнический центр в Атзенете сохранял свое значение для мусульман и морисков Пиренейского полуострова и Севера Африки. Память о погребенном здесь святом не угасала и продолжала питать благочестивую практику.

Дважды за это длительное время, время жизни 12 поколений, испытавших на себе превратности тяжелого XIV в. и не менее сложного и динамичного XV в., культ поклонения в Атзенете пережил смену социально-политической парадигмы: в XIII столетии, когда сюда пришли христиане, и в начале XVI столетия — с крещением мусульман и появлением морисков.

По сути, перед нами демонстрирующее конфессиональную транспарентность кросс-культурное явление, которое отвечало глубинному социальному запросу, преодолевало политические запреты и даже религиозные границы.

Атзенета представляла собой уникальный — по подробности исторических сведений — феномен исламской религиозности XIII–XVI вв. Очень важно правильно оценить тот, казалось бы, простой факт, что всё, что мы знаем об Атзенете, известно из христианских документов.

Отношение христиан к культу Атзенеты подчеркивало универсальный характер паломничества как формы благочестия: ни в одном из доступных нам актов не было ни слова о недовольстве местных жителей христиан паломниками-мусульманами, об оскорблении религиозных чувств христиан или о насмешках над

⁴⁰ *Boronat y Barrachina P.* Los moriscos españoles...

⁴¹ *Ferrer i Mallol M. T.* Els sarraïns de la Corona... P. 99.

мусульманами, о специальных выдуманных историях или ледящих душу подробностях языческих, непристойных и т. п. обрядов неверных в Атзенете. Напротив, всё, что мусульмане совершали по дороге к святому месту и поклоняясь ему, было хорошо понятно христианам и принималось ими как норма.

Восприятие мусульманского паломничества христианским обществом было нейтральным и не получило никакого отражения в официальных источниках. В то же время из королевских грамот следует, что в Гуадалесте и Атзенете сарадины и христиане, сельские жители и горожане, соседствовали, т. е. их взаимодействие, в том числе и во время массовых бдений, было неизбежно.

Центральная власть, со своей стороны, вплоть до конца XIV в. больше была заинтересована в разумном управлении исламским благочестием, которое могло бы приносить доход, чем в запрещении его. Только король Мартин I в начале XV в. отступил от этой политической линии. Однако поведение владетельного сеньора в середине XVI в. вновь явило торжество прагматичности. Должностные лица на местах в отношении сарадин проявляли куда меньше гибкости, чем Корона, но и они не столько негативно воспринимали само паломничество, сколько искали способ извлечь экономическую выгоду из обычаев политически слабой группы.

Благодаря христианским правовым памятникам мы имеем замечательную возможность реконструировать практику *зиярата* на Пиренейском полуострове и убедиться в том, что христианской средневековой культуре было присуще адекватное восприятие мусульманского паломника, если речь шла об отношении к образу *другого* в контексте повседневного соприкосновения, хозяйственного управления, а не религиозной риторики.

СОДЕРЖАНИЕ

РИТУАЛЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ИНОВЕРЦЕВ ВО ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Лучицкая С. И.

«Три кольца».

Ритуалы и религиозные практики иноверцев:

взгляды с разных сторон11

Варьяш

И. И. Паломнические практики сарацин

в правовых памятниках

арагонской короны (XIV—XV вв.) 33

Астахов М. А.

Клятвы в дипломатических отношениях арагонской короны

и гранадского эмирата в XIV—XV вв 49

Толан Джон

«Ужасный шум»: звон колоколов

и крик муэдзина в межконфессиональной полемике

на пиренейском полуострове 65

Попова Г. А.

«Свято место пусто не бывает»?

Использование иноконфессионального

сакрального пространства

(пиренейский полуостров, VIII—XIII вв.) 85

Долгополов В. В.

«Твои доктора... согласны с подлинными

католическими докторами» (иудейские учителя

в *adversus judaeos* (XII — нач. XV в.):

статус и способы обозначения)..... 105

Пармонова М. Ю.

Греческие монахи в латинской Италии X в.:

Возможности и пределы адаптации 146

Чумичёва О. В.

Парадоксы «греческой веры»: между исламом,

христианством и языческими традициями 170

Чечик Л. А.

Образы «иудеев» и «мусульман»

в венецианской религиозной живописи

эпохи возрождения 187

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Избранные песнопения из *symphonia armonie celestium*

revelationum Хильдегарды Бингенской

(пер. и коммент. П. Д. Сахарова) 215

Реутин М. Ю.

Краткий очерк жизни и творчества

Хильдегарды Бингенской 232

Найджел Ф. Палмер

Аллегория и молитва: дом сердца и ковчег добродетелей

в «молитвеннике Урсулы Бегерин» 242

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Майзульс М. Р.

«Если ты бог — защищайся»:

католические модели протестантского иконоборчества 281

Карло Гинзбург

«Ножницы» Аби Варбурга 349

«ЧУЖАК»

В ОБЩЕСТВАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Симона Черутти

Кто такой «чужак» в Европе нового времени? Размышления

о юридических категориях и социальных практиках 380

ИСТОРИК И ВРЕМЯ*Каганович Б. С.*

Переписка О. А. Добиаш-рождественской и Ф. Лота392

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ*Парамонова М. Ю.*

Бесы и праведники «храма науки»: мемуары а. А. Зимина.

Судьбы творческого наследия отечественных историков
второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич.

М.: Аквариус, 2015431

Реутин М. Ю.

Там, где рождаются смыслы...

(Бондарко Н. А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков:

язык, традиция, текст. Спб.: Наука, 2014)..... 467

IN MEMORIAM

Л. М. Баткин (1932–2016)..... 487

Отто Герхард Эксле (1939–2016)..... 495

Summaries.....516

Об авторах.....523